

СВОЙСТВА ПОЛЬСКОЙ И РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Факт, что языки суть путеводители по социокультурным пространствам, создает основы для размышлений о феномене особого, национального обусловленного в человеке. Национальный менталитет, характер, душа народа, картина мира, советскость, польскость, – слова, называющие родственные и заодно трудно определяемые, нечеткие понятия. Однако многоличию и многообразию языков соответствует каждый раз совокупность представлений, переживаний, жизненных установок, которые составляют какую-то общую картину мира как отображения национального менталитета.

Поскольку язык определяет границы нашего мира, вырисовывается картина многообразия культурных пространств, обитатели которых по-разному воспринимают, понимают, оценивают не только действительность, но и прошлое.

Выявление основных характеристик в данной области тождественно поискам ответов на вопрос: кто мы? Данный экзистенциальный вопрос мучит не только «перестраивающихся» россиян, но и поляков. В нем скрываются недосказанное, нередко ранее умолчанное об историческом прошлом, причем вопрос универсален для этносов, которые проходят бурный и болезненный процесс масштабных (в том числе – внутренних, духовных) трансформаций.

Фактический материал для данного текста отобран из престижной периодики за годы 1995–2006; это, как правило, критические голоса общепризнанных мыслителей, таких, как R. Kapuściński, J. Tazbir, J. Tischner, J. Kuron, J. Pomianowski, M. Janion, Н. Толстой, Д. Гранин, Д. Лихачев, Г. Померанц, А. Зиновьев и многие другие.

В современной польской гуманитарной науке сам термин *менталитет* применяется лишь изредка [J. Szacki, Historia myśli sociologicznej. Warszawa 2003? S. 170-175]. Тем не менее имеется обильный публицистический материал, посвященный осмыслению и переосмыслению сути «польского мышления».

Итак, поляки бытуют в климате «вечно живой», причем тщательно оболганной, исторической памяти, которая является стержнем традиционного менталитета. Разумеется, *народ, теряя память, лишается заодно совести* [Herbert, Dz 12.11.06]. Однако нельзя искать лишь в «светлом прошлом» поводы для национальной гордости, прибегая заодно к тотальной индоктринации.

Мы сотворили себе кумира в облике народных движений, в том числе – кровавых восстаний, которые, также из-за объективных геополитических причин, считаются единственным и незаменимым способом борьбы за воз-

любленную свободу. Это мартиролог смерти и мученичества как достойнейшего образа жизни. Все восстания заканчивались поражением, но в нашей традиции принято праздновать очередные годовщины как память о моральных триумфах. Поляки умеют, пожалуй, как никто другой, защищать «икону независимости», испытывая притом колоссальные трудности в мудром, ежедневном уходе за ней.

Праздник, карнавал, – те категории, с помощью которых мы «осмысливаем» наше прошлое. Также сегодня организуются в рамках политизации истории разнообразные юбилейные инсценировки. Это ассоциируется с метафорой «оберамергау», созданной Ст. Бжозовским; на рубеже XIX и XX веков с целью выявить суть польского ханжества.

Обожая принципы карнавализации, мы не склонны слышать критические, трезвые голоса выдающихся мыслителей, а, согласно их мнению, издавна систематически и последовательно происходит манихейская интерпретация исторических фактов; нет в мире другой, до такой степени оболганной истории. Именно поэтому Гедройц советует полякам *отказаться от теней прошлого, освободиться от комплекса жертвы, определить четко границы исторической памяти, избавляясь от одержимости призраками и пленения упырями* [GW, 23.10.04].

С вышеназванной традицией связано, диктуемое мегаломанией, польское мессианство, проявляющее себя в особом понимании национальной гордости: это не мы должны подражать Европе, а Европа должна принять наши ценности: *В нас жива традиция «универсального преддверья и оплота», а это способствует усилению ксенофобических тенденций и лицемерия. Таким образом, рассчитывая на уважение, мы нередко становимся посмешищем, престиж Польши понижается. Именно в Европе обращается внимание на польский инфантилизм, на неумение не только масштабно рассуждать, но и решать существенные внутренние вопросы* – Prz., 21.8.06. Согласно психологам, такого типа симптомы составляют синдром группового мышления, опасной патологии, гипертрофированного чувства морального превосходства.

Здесь целесообразно сказать о нашей набожной, мессианской религиозности, которая отображает лицемерие, превалирующее над искренностью подлинных католиков. В этой ауре тот, кто не отождествляет себя с «католическими ценностями», не может рассчитывать на свободу слова и действий – Dz., 29.8.06. Политическая инструментализация религии, постепенная сакрализация государственного и общественного пространств приводит к очередным вспышкам ханжества и ненависти к «чужим». Вырисовывается миропорядок как республика (rzeczpospolita), но лишь для *поляков-католиков, настоящих католиков, чистокровных поляков*. Эти нетривиальные свойства категоризации – результат феномена, который ксендз профессор И. Тишнер называет *диктатурой благодетельных, питаемой ультракатолической ксенофобией*.

Можно выделить еще многие другие свойства польской традиционной ментальности. Это наглая самоуверенность как результат, с одной стороны, мании величия, а с другой – комплекса неполноценности, именно отсюда сильное желание доказать любой ценой свое превосходство: *На протяжении 200 лет мы оставались (в своем воображении) великой, хотя и незамечаемой империей, империей духа, империей культуры* – Dz, 24.11.06. Подобными ментальными свойствами можно объяснить отношение к соседям, здесь в лучшем случае превалирует безразличие, а кроме того, снисхождение, но время от времени и сильное желание унижить, пользуясь случаем. Это последнее относится к России; мы помним вековые обиды, но не желаем помнить, что и мы обижали: *Мы проиграли вековые схватки с Москвой и это оставляет в нас след в виде неприязни, причем мы не хотим помнить, сколько мы зла причинили России* – Pol, 22.7.06.

В нашей ментальности вечно живо чувство обиженности и оскорбленности многочисленными «недостойными», которые нам должны. Они обязаны *понять, признать, смириться*. Кстати, вспышками нарциссизма сопровождается всегда правление правых.

Из-за наших мыслительных меандров распространено мнение, что мы *плаксивый, вечно обижаемый и оскорбляемый народ, который питает претензии ко всем, кроме себя* – Dz, 10.11.06. В этом аспекте здесь можно говорить о польском национализме, который правильнее было бы назвать шовинизмом, так как именно шовинизм *начинается тогда, когда народ ставит себя превыше всего и пытается доказать свое превосходство* – Prz, 9.7.06.

Надо признать, что мы народ, который обитает между Сциллой гордого имперского фантазирования и Харибдой поистине рабского приспособленчества. Это плоды национальной мегаломании, симптома *этического деградирования, и вместе с тем – польской глупости*. Она демонстрируется в гордом презрении ко всем инакомыслящим, не признающим нашей «безукоризненности».

К другим негативным свойствам национальной ментальности относится унаследованное склочничество, а также приобретенная еще в XVIII в. нетолерантность. Неискренности сопутствует склонность ко лжи, согласно «новоприобретенному принципу»: цель оправдывает средства. Шпиономания и доносительство, синдром враждебности и поиски врага – это пороки, в которых мы всегда обвиняем других, особо россиян. Вместе с тем польской ментальности, по крайней мере «правой», свойственны именно излишняя подозрительность, гомо- и ксенофобия: *Все, что выходит за рамки чьего-то воображения, заслуживает порицания, которое инкрустировано перлами: «Польша для поляков», «чистокровные поляки», не католики (...) Многие самовольно провозглашают себя носителями единственно правильного учения, всезнающими мудрецами, устанавливающими права общежития для всех остальных* – Ang, 2.7.06.

Лакмусовой бумагой, активизирующей негативные свойства национального менталитета, является обычно политический дисбаланс. В данном

контексте его составляют, с одной стороны, «правые» носители единственной правды, с другой – преследуемые, гонимые «левые» и их союзники-единомышленники; все они из-за каких-то непонятных, магических причин онемели, соглашаясь на статус во всем безгранично виноватых.

«Правые» всезнающие диктаторы употребляют свою неизжитую энергию с целью доказать исключительно польское, ни с чем не сравнимое превосходство. Здесь господствует воскресшая высокомерная панскость и кастовый эгоизм с атрибутикой презрениа, даже ненависти к инакомыслящим.

«Правыми» носителями национального менталитета взят на вооружение также патриотизм, это священное чувство, которое всегда понималось как любовь к родине, оно же вспыхивает стихийно, искренне, в самые опасные для отчизны моменты. Попытки дискредитировать патриотизм, тем более – в мирное время созидания, имплицитно подтверждает военизированное мышление, унаследованное в связи с аурой тотальной опасности, живой готовности к самозащите: борьба еще не закончена; «будь готов – всегда готов».

Вместе с тем свободный гражданин, как правило, реализуется просто в ежедневной жизни. Историей доказано, что наша патриотическая самоотверженность пробуждается в чрезвычайных ситуациях, когда родина действительно в опасности.

В заключение «польской темы» мы используем психофилософскую рефлексию: *Польское общество, подобно власти, избранной им, обособляет ментальность больного, замученного историей, а также экстремистскими вождями, народными иконами, тотально антиинтеллектуальным Костелом (...). В общественном сознании превалирует нарциссизм, скрещенный с чувством цивилизованной непривлекательности* – Ргз, 18.6.06.

Не менее пестрая картина русской ментальности. Например, Зиновьев говорит, что это *своего рода гибрид, состоящий из (...) советскости, западничества и дореволюционного российского феодализма* – ЛГ, 20.2.02. Анализируемое пространство изобилует хаотичностью, тем более, что рядом с традиционным коллективизмом, сопутствующим мышлению и восприятию, прорастает многоцветие раскрепощенных мнений, эффекта *всеобщей индивидуализации сознания*. Эти новые установки вводятся с типичным усердием. Можно согласиться, что *Задача России на пороге XXI века – найти свой синтез индивидуализма, не демонизирующего личность, и коллективизма, не растаптывающего ее* – НГ, 29.2.99.

Многочисленные особенности русского менталитета можно объяснить некоторым «сверхсвойством», которое Бердяев определил как шараханье, исходящее из стихийности поведения, а также «таинственности русской души». Отсюда, наверное, долготерпение и всепрощенничество. Перейдем к контекстным иллюстрациям: *Мы, кажется, обречены, чтобы нести какой-то крест. Может, это обратная сторона преславутой «загадочной русской души» и чрезмерное культивирование нашей национальной исключительности* – АиФ, 20.4.00. Еще, с критическим недоумением: *Что в нашей*

оуше такого, что мы только и можем, чтобы радоваться ярму и сталкивать друг друга в яму? Нас объединяет только беда – АиФ, 14.10.99. К тому же: русская ксенофобия заинтересована в мифе о непознаваемости русской души, а также о богоизбранности нации – ЛГ, 19.11.97.

Начиная с перестроечного времени, много внимания посвящается т.н. «нецивилизованности», что можно понимать как результат комплекса неполноценности, сопряженного с воскресшим западничеством: *Реформы, чтобы непременно как в Америке, демократия – на ее манер. Не зная ни сути, ни ментальности нации, мы срисовываем силуэты, чтобы непременно как них* – О. Попцов, ЛГ, 6.2.02. Параллельно следует отметить наличие некоторой «ментальной смеси», на которую обращает внимание Ю. Левада: *Русский народ всегда был готов отказаться от своих потребностей, своего «я» в пользу властвующего и родины. Именно поэтому Путин пользуется общественной поддержкой* – Dz, 18.11.06. И еще: *Извечная русская черта – увлекаться земными красотами до самозабвения и умопомрачения, заводить себе по каждому случаю новую религию и веру* – ЛГ, 24.11.04. Небезынтересно отметить, что потом каким-то непонятным образом русский дух, русская культура очищаются от чужого налета и самовозрождаются между другими потому, что существуют какие-то неразгаданные силы, побуждающие к этому.

Если верить фактическому материалу, важнейшим для русских является также ответ на очередной вопрос: *Кто виноват?* Здесь заложена потаенная информация о неблагоприятном положении дел, которому есть внешние причины, вызванные действием «чужих», «врагов нации».

К парадигме менталитета относится также традиционная *духовность* – свойство, тиражированное уже в первые годы гласности. И хотя мы получаем заодно информацию о том, что «духовность» взяли на вооружение *подлецы и неудачники* – ЛГ, 16.10.96., то неоспоримо наличие скрытых смыслов, подтверждающих актуальность аксиологических поисков. Советскую однозначность в этой области заменило, например, изобилие новых номинаций с словом «ценности»: *перевернутая иерархия ценностей и вечные внутренние базисные, абсолютные, религиозные, христианские, духовные, незыблемые, нетленные и т.п., а также сверхценности и антиценности*. Рядом с осмыслением и восприятием «новых ценностей» со временем появляются высказывания типа: *Чьими же силами изъяты моральные ценности? Силами глупцов и преступников* – ЛГ, 24.11.04.

Поиски духовности связаны с отношением к Православию; мы ограничимся двумя цитатами. Итак, Ч. Айтматов: *Бог – это великая движущая сила духовно организующая человека, но встреча с ним требует интимности* – АиФ, 2000. Р. Казакова призывает: *Не надо о Боге на каждом перекрестке. Не надо к Богу, как прежде к коммунизму, хором и в ногу!* В данных метафорах выражена не только тоска по духовности, но и критическое отношение к показной религиозности. А о конъюнктурности новообращенных и «новой нетолерантности»: *Бывшие комсомольцы, узнавши вчера, что, оказывается*

Бо: есть, настырно трубят о своем открытии и обличают непонятливых – НГ, 30.4.96. Здесь же полезно напомнить рефлексию Померанца, который сильно сомневается в подлинной религиозности как составной русскости: Выход из нашей ситуации только в том, что сами христиане должны стать христианами – ЛГ, 17.4.03.

Анализируя причины «новых несвершений», русские авторы делают акцент на особые ментальность и характер как главные этому причины. В данном аспекте первоисточником является, пожалуй, двойственность сознания. Здесь уместно сказать еще о присущем русскости магическом мышлении, суть которого выражается в *отсутствии надежды на собственные силы, в вечной вере в доброго царя-батюшку. Собственные ошибки мы склонны объяснять происками врага, темных сил – МН, 1.11.98.* Русскому мышлению свойственна мечта о том, что все проблемы в стране будут решаться чудом, а чудо называется революцией. Каждую осень 7 ноября мы празднуем день рождения государства, уничтожение которого мы празднуем 12 июля – АиФ, 2001.

В восприятии инокультурного исследователя имманентной составной русского мировосприятия является увлечение высокими идеями – *вожделенной национальной идеей*, которая нередко представлена панацеей от всех духовных и душевных невзгод. Неслучайно наблюдаются многочисленные републикации российских философов-богословов, что ассоциируется с возвращением на родину «философского парохода» вместе с забытыми национальными концепциями. Есть основания объяснить это явление возрождающимся русским национальным самосознанием. Однако чаще всего, по крайней мере в политике, эти понятия искажаются. Перейдем к вербальным подтверждениям: *Россия нуждается в какой-то особой национальной идее, которая вмещала бы ценности христианской цивилизации и защиту своих граждан – ЛГ, 8.7.98.* И еще: *Опыт показывает – народ может объединить или жизнеутверждающая идея, или колючая проволока. (...) Осуществление первого зависит от нас – Рус. драм. 1998, нр 3.* В подобных опусах имплицитно выражены русская мечтательность и склонность к мифологизации действительности, а также извечность поисков истины. Еще иначе, реально: *Имеется идеологический беспредел с усиливающимся православием, влиянием западной идеологии, с тоской по вселенной национальной идее – ЛГ, 20.2.02.* В завершение: *Национальную идею каждый понимает по-своему – это словесное выражение очень распространено. Объединяет всех желание найти такую идеологию, которая по силе воздействия на массы была бы подобна советской, но чтобы одновременно была отрицанием разгромленной и оплеванной советской идеологии – ЛГ, 27.2.02.*

Для русского мироощущения сегодня характерно также амбивалентное отношение к мифам равенства и справедливости; одни считают, что они никому не нужны, и никто к ним сегодня не стремится, а другие уверены, что не внять им – *значит пытаться сделать из России какую-то иную страну, с иной психологией. Иным национальным обликом – ЛГ, 28.4.99.*

С процитированным связано то, что русские называют *наш нерыночный менталитет*. Эпиграфом к данной проблематике может служить мысль Лихачева: *Беден не тот, у кого мало, но тот, кому мало* – ЛГ, 17.5.95. В познавательном аспекте существенна также информация, что *для русских частная собственность не священна*. Об особом отношении к рынку говоря, оценки «новых русских», олицетворяющих материальный успех, а заодно *безликую диктатуру денежного мешка* – ЛГ, 16.1.02. Итак: *у наших богатых босяцкая психология* – ИГ, 27.1.96. О них говорится иронически: *«расторопные» граждане (...), которые раньше назывались проходимцами и спекулянтами* – ЛГ, 6.3.96. Они обладают *психологией выскочки* – АиФ, 20.4.00. И в завершение: *Обманчивая приватизация создала худший тип собственника* – АиФ, 4.5.05. В приведенных оценках выражено критическое отношение к наживе, отсутствие веры в материальный успех, который не сопровождается изнуряющим трудом, черная зависть, а также попытка оценки «удачников» применением советских этических категорий.

Исследуя богатый публицистический материал, можно прийти к выводу, что общественное сознание, действительно, живет очень разнообразной традицией, не исключая, разумеется, советской; частичное восстановление этой последней есть эффект капиталистически-рыночных трансформаций. *Наша советская жизнь ушла, и безвозвратно. Ушла во многом не от разума. Стыдно, что мы ее перечеркнули и оттолкнули от себя (...). В советской жизни, безусловно, были позитивные начала. Теперь мы делаем вид, что всего этого не было* – Д. Гранин, ЛГ, 24.11.04.

Неимоверную сложность феномена национальной ментальности хорошо иллюстрируют слова В. Рыбакова: *Высокодуховны, бескорыстны и храбры ли русские? Конечно! А ленивы ли они? Да, разумеется. Национальный характер – сложнейший сплав качеств, в котором недостатки есть лишь по рождению достоинства, а достоинства – порождения недостатков* – ЛГ, 11.8.95.

Можно предполагать, что сегодня под давлением коренных трансформаций наступает, между прочим, смещение акцентов в национальной ментальности, а следовательно, и в национальном характере. Главенствующим элементом здесь является *рынок* как экономическая реальность и как метафора.

Крайне трудно и даже нецелесообразно резюмировать предельно сложную проблематику. Оправданным кажется мнение, что лишь «в минуты роковые» и поляки, и русские вдруг отыщут свой путь благоденствия, следуя путеводной звезде «эмпатии». Это значит, что в нас, славянских народах, дремлют залежи добра, придавленные, однако, грузом зла.

Ниже наше внимание сосредоточено лишь на различиях между содержанием польской и русской ментальности, причем надо помнить, что публицистика обычно создает упрощенные образы. Наверно потому в обеих сигуациях экспонируются недостатки, негативные стереотипы, силу экспрессии которых может преодолеть лишь индивидуальный опыт межкультурного общения.

Опираясь на фактический материал, мы констатируем следующее. К польской традиции надо отнести готовность бескорыстно защищать родину, просто благоговейное отношение к патриотической традиции, искаженное, к сожалению, современным отсутствием патриотизма. Рядом же бытуют унаследованные неуважение и подозрительность по отношению к власти. Нельзя умолчать бережное культивирование склочничества, индивидуализма, гипертрофированного полоноцентризма. Чувству превосходства сопутствует высокое самомнение и заносчивость. Над этими свойствами главенствует абсолютная уверенность в своей исключительной правоте, и в том «нам должны», «нас недооценивают», а также легкоранимый, извечный и гипертрофированный гонор. Надо еще напомнить о пронырливости, нечестности и демонстрированном вешизме.

Русские национальные свойства – это динамически меняющееся отношение к личности, которое сопутствует соборности и коллективизму. Это также отождествление власти и родины. Это шараханье, ограничивающее поле зрения, разрешая видеть лишь силуэты и контрастные цвета. Но типично также долготерпение и всепрощенчество, которые можно воспринимать и как положительные, и как отрицательные характеристики. Кроме того, ярко выраженное традиционно двойственное сознание, но и мечтательность, которая сулит все время веру в светлое будущее. Амбивалентное отношение к мифам равенства и справедливости не сглаживает особенности нерыночного менталитета, которому сопутствует так называемая черная зависть.

Необходимо также отметить неудержимое, порой искреннее, стремление к духовности, отсюда, хотя бы, широко употребляемая для инокультурного читателя имплицитная метафора храма. Кроме того, упорные поиски национальной идеи, понимаемой частью мыслителей как панацея от всех невзгод. Наконец, «загадочная русская душа» служит оправданием всему злу, которое происходит в пространстве политической и социальной жизни.

Вырисовывается вопрос о необходимости самосовершенствования именно на уровне нации, но эта проблема на сей день беспокоит лишь немногочисленных мыслителей.